

Кир Булычев

ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

Кир Булычев
Половина жизни
Серия «Доктор Павлыш», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135348
Булычев К. Поселок: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12484-5

Аннотация

... «Я нашла эту бумагу уже два месяца назад, но никак не могла придумать, чем писать на ней. И только вчера догадалась, что совсем рядом, в комнате, за которой следит глупышка, собраны камни, похожие на графит. Я заточила один из них. И теперь буду писать»...

Содержание

1	4
2	10
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кир Булычев

Половина жизни

1

Чуть выше Калязина, где Волга течет по широкой, крутой дуге, сдерживаемая высоким левым берегом, есть большой, поросший соснами остров. С трех сторон его огибает Волга, с четвертой – прямая протока, которая образовалась, когда построили плотину в Угличе и уровень воды поднялся. За островом, за протокой, снова начинается сосновый лес. С воды он кажется темным, густым и бескрайним. На самом деле он не так уж велик и даже не густ. Его пересекают дороги и тропинки, проложенные по песку, и потому всегда сухие, даже после дождей.

Одна из таких дорог тянулась по самому краю леса, вдоль ржаного поля, и упиралась в воду, напротив острова. По воскресеньям, летом, если хорошая погода, по ней к протоке приезжал автобус с отдыхающими. Они ловили рыбу и загорали. Часто к берегу у дороги приставали моторки и яхты, и тогда с воды были видны серебряные и оранжевые палатки. Куда больше туристов высаживалось на острове. Им казалось, что там можно найти уединение, и потому они старательно искали щель между поставленными раньше палат-

ками, высадившись, собирали забытые консервные банки и прочий сор, ругали предшественников за беспорядок, убежденные в том, что плохое отношение к природе – варварство, что не мешало им самим, отъезжая, оставлять на берегу пустые банки, бутылки и бумажки. Вечерами туристы разжигали костры и пили чай, но в отличие от пешеходов, ограниченных тем, что могут унести в рюкзаках, они не пели песен и не шумели – чаще всего они прибывали туда семьями, с детьми, собаками, запасом разных продуктов и примусов.

Однорукий лесник с хмурым мятым лицом, который выходил искупаться к концу лесной дороги, привык не обижаться на туристов и не опасался, что они подожгут лес. Он знал, что его туристы – народ обстоятельный и солидный, костры они всегда заливают или затаптывают.

Однорукий лесник скидывал форменную тужурку с дубовыми листьями в петлицах, расстегивал брюки, ловко снимал ботинки и осторожно входил в воду, щупая ногой дно, чтобы не наступить на осколок бутылки или острый камень. Потом останавливался по пояс в воде, глубоко вздыхал и падал в воду. Он плыл на боку, подгребая единственной рукой. Надежда с Оленькой оставались обычно на берегу. Надежда мыла посуду, потому что в доме лесника на том конце дороги не было колодца, а если кончала мыть раньше, чем лесник вылезал из воды, садилась на камень и ждала его, глядя на воду и на цепочку костров на том берегу протоки, которые напоминали ей почему-то ночную городскую улицу и вызы-

вали желание уехать в Ленинград или в Москву. Когда Надежда видела, что лесник возвращается, она заходила по колёно в воду, протягивала ему пустые ведра, и он наполнял их, вернувшись туда, где поглубже и вода чище.

Если поблизости оказывались туристы, лесник накидывал на голое тело форменную тужурку и шел к костру. Он старался людей не пугать и говорил с ними мягко, вежливо и глядел влево, чтобы не виден был шрам на щеке.

На обратном пути он останавливался, подбирал бумажки и всякую труху и сносил к яме, которую каждую весну рыл у дороги и которой никто, кроме него, не пользовался.

Если было некогда или не сезон, и берега пусты, однорукый лесник не задерживался у воды. Набирал ведра и спешил домой. Надежда приезжала только по субботам, а Оленька, маленькая еще, боялась оставаться вечером одна.

Он шел по упругой ровной дороге, пролегшей между розовыми, темнеющими к земле стволами сосен, у подножия которых сквозь слой серых игл пробивались кусты черники и росли грибы.

Грибов лесник не ел, не любил и не собирал. Собирала их Оленька, и, чтобы доставить ей удовольствие, лесник научился солить их и сушить на чердаке. А потом они дарили их Надежде. Когда она приезжала.

Оленька была леснику племянницей. Дочкой погибшего три года назад брата-шофера. Они оба, и лесник, которого звали Тимофеем Федоровичем, и брат его Николай, были из

этих мест. Тимофей пришел безруким с войны и устроился в лес, а Николай был моложе и на войну не попал. Тимофей остался бобылем, а Николай женился в сорок восьмом на Надежде, у него родилась дочь, и жили они с Надеждой мирно, но Николай попал в аварию и умер в больнице. До смерти Николая лесник редко виделся с братом и его семьей, но, когда настало первое лето после его смерти, лесник как-то был в городе, зашел к Надежде и пригласил ее с дочкой приезжать в лес. Он знал, что у Надежды скудно с деньгами, других родственников у нее нет – работала она медсестрой в больнице. Вот и позвал приезжать к себе, привозить девочку.

С тех пор Надежда каждое лето отвозила Оленьку дяде Тимофею, на месяц, а то и больше, а сама приезжала по субботам, прибирала в доме, подметала, мыла полы и старалась быть полезной, потому что денег за Оленьку Тимофей, конечно, не брал. И то, что она хлопотала по дому, вместо того чтобы отдыхать, и злило Тимофея, и трогало.

Был уже конец августа, погода портилась, ночи стали холодными и влажными, словно тянуло, как из погреба, от самого Рыбинского моря. Туристы разъехались. Была последняя суббота, через три дня Тимофей обещал привезти Олю к школе, ей пора было идти в первый класс. Была последняя ночь, когда Надежда будет спать в доме Тимофея. И до весны. Может, лесник придет в Калязин на ноябрьские, а может, и не увидит их до Нового года.

Надежда мыла посуду. На песке лежал кусок хозяйствен-

ного мыла. Надежда мыла чашки и тарелки, что накопились с обеда и ужина, проводила тряпкой по мылу и терла ею посуду, зайдя по щиколотки в воду. Потом полоскала каждую чашку. Оля озябла и убежала куда-то в кусты, искала лисички. Лесник сидел на камне, накинув тужурку. Он не собирался купаться, но и дома делать было нечего. Они молчали.

Полоская чашки, Надежда наклонялась, и лесник видел ее загорелые, крепкие и очень еще молодые ноги, и ему было неловко оттого, что он не может поговорить с Надеждой, чтобы она оставалась у него совсем. Ему было бы легче, если бы Николая никогда не существовало, и потому лесник старался смотреть мимо Надежды, на серую сумеречную воду, черный частокол леса на острове и одинокий огонек костра на том берегу. Костер жгли не туристы, а рыбаки, местные.

Но Надежда в тот вечер тоже чувствовала себя неловко, будто ждала чего-то, и, когда взгляд лесника вернулся к ней, она распрямилась и спрятала под белую в красный горошек косынку прядь прямых русых волос. Волосы за лето стали светлее кожи – выгорели, от загара белее казались зубы и белки глаз. Особенно сейчас. Тимофеем отвел глаза – Надежда смотрела на него как-то слишком откровенно, как на него смотреть было нельзя, потому что он был некрасив, потому что он был инвалид и еще был старшим братом ее погибшего мужа и потому что он хотел бы, чтобы Надежда осталась здесь.

А она стояла и смотрела на него. И он не мог, даже отводя

глаза, не видеть ее. У нее была невысокая грудь, тонкая талия и длинная шея. А вот ноги были крепкими и тяжелыми. И руки были сильные, налитые. В сумерках глаза ее светились – белки казались светло-голубыми. Тимофей нечаянно ответил на ее взгляд, и сладкая боль, зародившись в плече, распространилась на грудь и подошла к горлу ожиданием того, что может и должно случиться сегодня.

Тимофей не мог оторвать взгляда от Надежды. А когда ее губы шевельнулись, он испугался наступающих слов и звука голоса.

Надежда сказала:

– Ты, Тима, иди домой. Оленьку возьми, она замерзла. Я скоро.

Тимофей сразу поднялся, с облегчением, полный благодарности Надежде, что она нашла такие ничего не значащие, но добрые и нужные слова.

Он позвал Олю и пошел к дому. А Надежда осталась домыывать посуду.

Даг поудобнее уселся в потертом кресле, разложил список на столе и читал его вслух, отчеркивая ногтем строчки. Он чуть шурился – зрение начинало сдавать, хотя он сам об этом не догадывался или, вернее, не позволял себе догадываться.

– А запасную рацию взял?

– Взял, – ответил Павлыш.

– Второй тент взял?

– Ты дочитай сначала. Сато, у тебя нет черных ниток?

– Нет. Кончились.

– Возьми и третий тент, – сказал Даг.

– Не надо.

– И второй генератор возьми.

– Вот он, пункт двадцать три.

– Правильно. Сколько баллонов берешь?

– Хватит.

– Сгущенное молоко? Зубную щетку?

– Ты меня собираешь в туристский поход?

– Возьми компот. Мы обойдемся.

– Я к вам зайду, когда захочется компота.

– К нам не так легко прийти.

– Я шучу, – сказал Павлыш. – Я не собираюсь к вам приходить.

– Как хочешь, – сказал Даг.

Он смотрел на экран. Роботы ползали по тросам, как тли по травинкам.

– Сегодня переберешься? – спросил Даг.

Даг торопился домой. Они потеряли уже два дня, готовя добычу к транспортировке. И еще две недели на торможение и маневры.

На мостик вошел Сато и сказал, что катер готов и загружен.

– По списку? – спросил Даг.

– По списку. Павлыш дал мне копию.

– Это хорошо, – сказал Даг. – Добавь третий тент.

– Я уже добавил, – сказал Сато. – У нас есть запасные тенты. Нам они все равно не пригодятся.

– Я бы на твоём месте, – сказал Даг, – перебирался бы сейчас.

– Я готов, – сказал Павлыш.

Даг был прав. Лучше перебраться сейчас, и если что не так, нетрудно сгонять на корабль и взять забытое. Придется провести несколько недель на потерявшем управление, мертвом судне, брошенном хозяевами неизвестно когда и неизвестно почему, летевшем бесцельно, словно «Летучий голландец», и обреченном, не встретить они его, миллионы лет проваливаться в черную пустоту космоса, пока его не притянет какая-нибудь звезда или планета или пока он не разлетится вдребезги, столкнувшись с метеоритом.

Участок Галактики, через который они возвращались,

был пуст, лежал в стороне от изведанных путей, и сюда редко заглядывали корабли. Это была исключительная, почти невероятная находка. Неуправляемый, оставленный экипажем, но не поврежденный корабль.

Даг подсчитал, что, если вести трофей на буксире, горючего до внешних баз хватит. Конечно, если выкинуть за борт груз и отправить в пустоту почти все, ради чего они двадцать месяцев не видели ни одного человеческого лица (собственные не в счет).

И кому-то из троих надо было отправиться на борт трофея, держать связь и смотреть, чтобы он вел себя пристойно. Пошел Павлыш.

– Я пошел, – сказал Павлыш. – Установлю тент. Опробую связь.

– Ты осторожнее, – сказал Даг, вдруг расчувствовавшись. – Чуть что...

– Главное, не потеряйте, – ответил Павлыш.

Павлыш заглянул на минуту к себе в каюту поглядеть, не забыл ли чего-нибудь, а заодно попрощаться с тесным и уже неудобным жилищем, где он провел много месяцев и с которым расставался раньше, чем предполагал. И оттого вдруг ощутил сентиментальную вину перед пустыми, знакомыми до последнего винта стенами.

Сато ловко подогнал катер к грузовому люку мертвого корабля. Нетрудно догадаться, что там когда-то стоял спасательный катер. Его не было. Лишь какое-то механическое

устройство маячило в стороне.

Толкая перед собой тюк с тентами и баллонами, Павлыш пошел по широкому коридору к каюте у самого пульта управления. Там он решил обосноваться. Судя по форме и размерам помещения, обитатели его были пониже людей ростом, возможно, массивнее. В каюте, правда, не было никакой мебели, по которой можно было бы судить, как устроены хозяева корабля. Может, это была и не каюта, а складское помещение. Обследовать корабль толком не успели. Это предстояло сделать Павлышу. Корабль был велик. И путешествие обещало быть нескучным.

Следовало устроить лагерь. Сато помог раскинуть тент. Переходную камеру они устроили у двери и проверили, быстро ли тент наполняется воздухом. Все в порядке. Теперь у Павлыша был дом, где можно жить без скафандра. Скафандр понадобится для прогулок. Пока Павлыш раскладывал в каюте свои вещи, Сато установил освещение и опробовал рацию. Можно было подумать, что он сам намеревается здесь жить...

Разгонялись часов шесть. Даг опасался за прочность буксира. В конце разгона Павлыш вышел на пульт управления корабля и смотрел, как летевшие рядом серебряные цилиндры – выброшенный за борт груз – постепенно отставали, словно провожающие на платформе. Перегрузки были уже терпимые, и он решил заняться делами.

Пульт управления дал мало информации.

Странное зрелище представлял этот пульт. Да и вся рубка. Здесь побывал хулиган. Вернее, не просто хулиган, а мало-летний радиолюбитель, которому отдали на растерзание дорогую и сложную машину. Вот он и превратил ее в детекторный приемник, используя транзисторы вместо гвоздей, из печатных схем сделав подставку, а ненужной, на его взгляд, платиновой фольгой оклеил свой чердачок, словно обоями. Можно было предположить – а это предположение уже высказал Даг, когда они попали сюда впервые, – что управление кораблем раньше было полностью автоматическим. Но потом кто-то без особых церемоний сорвал крышки и кожухи, соединил накоротко линии, которые соединять было не положено, – в общем, принял все меры, чтобы превратить хронометр в первобытный будильник. От такой вивисекции осталось множество лишних «винтиков», порой внушительных размеров. Шалун разбросал их по полу, словно спешил завершить разгром и спрятаться раньше, чем вернутся родители.

Удивительно, но нигде не встретилось ни одного стула, кресла или чего-либо близкого к этим предметам. Возможно, хозяева и не знали, что такое стулья. Сидели, скажем, на полу. Или вообще катались, словно перекасти-поле. Павлыш таскал за собой камеру и старался заснять все, что можно. На всякий случай. Если что-нибудь стрясется, могут сохраниться пленки. Чуть гудел шлемовый фонарь, и оттого абсолютнее была тишина. Было так тихо, что Павлышу нача-

ли чудиться шелестящие шаги и шорохи. Хотелось ходить на цыпочках, будто он мог кого-то разбудить. Он знал, что будить некого, и хотел было отключить шлемофон, но потом остерегся. Если вдруг в беззвучном корабле возникнет шум, звук, голос, пускай он его услышит.

И от этой невероятной возможности стало совсем неудобно. Павлыш поймал себя на нелепом жесте – положил ладонь на рукоять бластера.

– Атавизм, – сказал он.

Оказалось, сказал вслух. Потому что в шлемофоне возник голос Дага.

– Ты о чем?

– Привык, что мы всегда вместе, – сказал Павлыш. – Неудобно.

Павлыш видел себя со стороны: маленький человек в блестящем скафандре, жучок в громадной банке, набитой трухой.

Коридор, который вел мимо его каюты, заканчивался круглым пустым помещением. Павлыш оттолкнулся от люка и в два прыжка одолел его. За ним начинался такой же коридор. И стены, и пол везде были одинакового голубого цвета, чуть белесого, словно выгоревшего от солнца. Свет шлемового фонаря расходился широким лучом, и стены отражали его. Коридор загибался впереди. Павлыш нанес его на план. Пока план корабля представлял собой эллипс, в передней части которого был обозначен грузовой люк и эллинг для

улетевшего катера или спасательной ракеты, пульт управления, коридор, соединяющий пульт с круглым залом, и еще три коридора, отходившие от пульта. Известно было, где находятся двигатели, но их пока не стали обозначать на плане. Времени достаточно, чтобы все осмотреть не спеша.

Шагов через сто коридор уперся в полуоткрытый люк. У люка лежало что-то белое, плоское. Павлыш медленно приблизился к белому. Наклонил голову, чтобы осветить его ярче. Оказалась просто тряпка. Белая тряпка, хрупкая в вакууме. Павлыш занес над ней ногу, чтобы перешагнуть, но, видно, нечаянно дотронулся до нее, и тряпка рассыпалась в пыль.

– Жалко, – сказал он.

– Что случилось? – спросил Даг.

– Занимайся своими делами, – сказал Павлыш. – А то вообще отключусь.

– Попробуй только. Сейчас же прилечу за тобой. План не забудь.

– Не забыл, – сказал Павлыш, отмечая на плане люк.

За люком коридор расширился, в стороны отбегали его ветви. Но Павлыш даже пока не стал отмечать их. Выбрал центральный, самый широкий путь. Он привел его еще к одному люку, закрытому наглухо.

– Вот и все на сегодня, – сказал Павлыш.

Даг молчал.

– Ты чего молчишь? – спросил Павлыш.

– Не мешаю тебе беседовать с самим собой.

– Спасибо. Я дошел до закрытого люка.

– Не спеши открывать, – сказал Даг.

Павлыш осветил стену вокруг люка. Заметил выступающий квадрат и провел по нему перчаткой.

Люк легко отошел в сторону, и Павлыш прижался к стене. Но ничего не произошло.

Вдруг ему показалось, что сзади кто-то стоит. Павлыш резко обернулся, полоснул лучом света по коридору. Пусто. Подвели нервы. Он ничего не стал говорить Дагу и переступил через порог.

Павлыш оказался в обширной камере, вдоль стен шли полки, на некоторых стояли ящики. Он заглянул в один из них. Ящик был на треть наполнен пылью. Что в нем было раньше, угадать невозможно.

В дальнем углу камеры фонарь поймал лучом еще одну белую тряпку. Павлыш решил к ней не подходить. Лучше потом взять консервант, на Земле интересно будет узнать, из чего они делали материю. Но когда Павлыш уже отводил луч фонаря в сторону, ему вдруг показалось, что на тряпке что-то нарисовано. Может, только показалось? Он сделал шаг в том направлении. Черная надпись была видна отчетливо. Павлыш наклонился. Присел на корточки.

«Меня зовут Надежда» – было написано на тряпке. Порусски.

Павлыш потерял равновесие, и рука дотронулась до тряп-

ки. Тряпка рассыпалась. Исчезла. Исчезла и надпись.

– Меня зовут Надежда, – повторил Павлыш.

– Что? – спросил Даг.

– Здесь было написано: «Меня зовут Надежда», – сказал Павлыш.

– Да где же?

– Уже не написано, – сказал Павлыш. – Я дотронулся, и она исчезла.

– Слава, – сказал Даг тихо. – Успокойся.

– Я совершенно спокоен, – сказал Павлыш.

До того момента корабль оставался для Павлыша фантомом, реальность которого была условна, словно задана правилами игры. И даже нанося на план – пластиковую пластинку, прикрепленную к кисти левой руки, – сетку коридоров и люки, он за рамки этой условности не выходил. Он был подобен разумной мыши в лабораторном лабиринте. В отличие от мыши настоящей, Павлыш знал, что лабиринт конечен и определенным образом перемещается в космическом пространстве, приближаясь к Солнечной системе.

Рассыпавшаяся записка нарушала правила, ибо никак, никаким самым сказочным образом оказаться здесь не могла и потому приводила к единственному разумному выводу: ее не было. Так и решил Даг. Так и решил бы Павлыш, оказавшись на его месте. Но Павлыш не мог поменяться местами с Дагом.

– Именно Надежда? – спросил Даг.

– Да, – ответил Павлыш.

– Учти, Слава, – сказал Даг. – Ты сам физиолог. Ты знаешь. Может, лучше мы тебя заменим? Или вообще оставим корабль без присмотра.

– Все нормально, – сказал Павлыш. – Не беспокойся. Я пошел за консервантом.

– Зачем?

– Если встретится еще одна записка, я ее сохраню для тебя.

Совершая недолгое путешествие к своей каюте, извлекая консервант из ящика со всякими разностями, собранными аккуратным Сато, он все время старался возобновить в памяти тряпку или листок бумаги с надписью. Но листок не поддавался. Как лицо любимой женщины: ты стараешься вспомнить его, а память рождает лишь отдельные, мелкие, никак не удовлетворяющие тебя детали – прядь над ухом, морщинку на лбу. К тому времени как Павлыш вернулся в камеру, где его поджидала (он уже начал опасаться, что исчезнет) горстка белой пыли, уверенность в записке пошатнулась.

Разум старался оградить его от чудес.

– Что делаешь? – спросил Даг.

– Ищу люк, – сказал Павлыш. – Чтобы пройти дальше.

– А как это было написано? – спросил Даг.

– По-русски.

– А какой почерк? Какие буквы?

– Буквы? Буквы печатные, большие.

От отыскал люк. Люк открылся легко. Это было странное помещение. Разделенное перегородками на отсеки разного размера, формы. Некоторые из них были застеклены, некоторые отделены от коридора тонкой сеткой. Посреди коридора стояло полушарие, похожее на высокую черепаху, сантиметров шестьдесят в диаметре. Павлыш дотронулся до него,

и полушарие с неожиданной легкостью покатилося вдоль коридора, словно под ним скрывались хорошо смазанные ролики, ткнулось в стенку и замерло. Луч фонаря выхватывал из темноты закоулки и ниши. Но все они были пусты. В одной грудой лежали камни, в другой – обломки дерева. А когда он присмотрелся, обломки показались похожими на останки какого-то большого насекомого. Павлыш продвигался вперед медленно, поминутно докладывая на корабль о своем прогрессе.

– Понимаешь какая штука, – слышался голос Дага. – Можно утверждать, что корабль оставлен лет сорок назад.

– Может, тридцать?

– Может, и пятьдесят. Мозг дал предварительную сводку.

– Не надо стараться, – сказал Павлыш. – Даже тридцать лет назад мы еще не выходили за пределы системы.

– Знаю, – ответил Даг. – Но я еще проверю. Если только у тебя нет галлюцинаций.

Проверить было нечего. Тем более что они знали – корабль, найденный ими, шел не от Солнца. По крайней мере, много лет он приближался к нему. А перед этим должен был удаляться. А сорок, пятьдесят лет назад люди лишь осваивали Марс и высаживались на Плутоне. А там, за Плутоном, лежал неведомый, как заморские земли для древних, космос. И никто в этом космосе не умел говорить и писать по-русски...

Павлыш перебрался на следующий уровень, попытался

распутаться в лабиринтах коридоров, ниш, камер. Через полчаса он сказал:

– Они были барахольщиками.

– А как Надежда?

– Пока никак.

Возможно, он просто не замечал следов Надежды, проходил мимо. Даже на Земле, стоит отойти от стандартного мира аэродромов и больших городов, теряешь возможность и право судить об истинном значении встреченных вещей и явлений. Тем более непонятен был смысл предметов чужого корабля. И полушарий, легко откатывающихся от ног, и ниш, забитых вещами и приборами, назначение которых было неведомо, переплетения проводов и труб, ярких пятен на стенах и решеток на потолке, участков скользкого пола и лопнувших полупрозрачных перепонки. Павлыш так и не мог понять, какими же были хозяева корабля, – то вдруг он попадал в помещение, в котором обитали гиганты, то вдруг оказывался перед камерой, рассчитанной на гномов, потом выходил к замерзшему бассейну, и чудились продолговатые тела, вмерзшие в мутный лед. Потом он оказался в обширном зале, дальняя стена которого представляла собой машину, усеянную слепыми экранами, и ряды кнопок на ней размещались и у самого пола, и под потолком, метрах в пяти над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.